

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.12>

СТИЛИСТИКА МОДЕРНИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ АВСТРИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В
НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Научная статья

Москалев И.Ю.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0872-8939;

¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ivanmoskalev96[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности употребления средств художественной выразительности в литературе модернизма Австрии и Великобритании. В качестве материала исследования были определены немецкоязычный роман «Человек без свойств» Роберта Музиля и англоязычный роман «Улисс» Джеймса Джойса. Произведены лингвостилистический и интерпретативный анализ контекстов употребления некоторых тропов, количественный анализ метафор, сравнений и эпитетов в рассматриваемом материале, а также сопоставительный анализ их употребления в австрийском и британском художественном дискурсе эпохи модернизма. В результате исследования было установлено, что средства художественной выразительности функционируют в текстах модернистской литературы обеих лингвокультур вкуче с экспериментальными повествовательными техниками. Установлены основные функции употребления средств художественной выразительности в романах на немецком и английском языках. Выявлены сходства и различия в стилистике модернизма в художественном дискурсе Австрии и Великобритании начала XX века.

Ключевые слова: метафора, эпитет, сравнение, стилистика, художественный дискурс, модернизм, Роберт Музиль, Джеймс Джойс.

MODERNIST STYLISTICS IN THE FICTION DISCOURSE OF AUSTRIA AND BRITAIN IN THE EARLY XX
CENTURY: A COMPARATIVE ASPECT

Research article

Moskalev I.Y.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0872-8939;

¹ Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (ivanmoskalev96[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the specifics of the use of means of artistic expression in the literature of modernism in Austria and Great Britain. The German-language novel "The Man Without Qualities" by Robert Musil and the English-language novel "Ulysses" by James Joyce were chosen as the material of the study. Linguistic and interpretative analysis of the contexts of the use of some tropes, quantitative analysis of metaphors, comparisons and epithets in the studied material, as well as comparative analysis of their use in Austrian and British art discourse of the modernist era have been carried out. As a result of the research, it was established that the means of artistic expressiveness function in the texts of modernist literature of both linguocultures together with experimental narrative techniques. The main functions of the use of means of artistic expression in German and English novels were identified. Similarities and differences in the stylistics of modernism in the artistic discourse of Austria and Great Britain of the early 20th century are shown.

Keywords: metaphor, epithet, comparison, stylistics, fiction discourse, modernism, Robert Musil, James Joyce.

Введение

Начало XX века ознаменовалось коренными изменениями в жизни европейца. Революции и политические трансформации в целом ряде стран Европы, итоги Первой мировой войны и общественные потрясения эпохи существенным образом преобразовали и культурный ландшафт Европы. На рубеже веков и в первой трети нового века зародилось такое направление в искусстве как модернизм. Границы столь масштабного явления представляется сложным определить. Специалисты в области искусствоведения отмечают, что под модернизмом можно понимать «обозначение всех новейших экспериментальных течений в художественной культуре XX века» [1, С. 264]. Вопросам разграничения модернизма как литературного явления со схожими феноменами посвящены многие исследования. Литературная энциклопедия терминов и понятий предлагает понимать под модернизмом определенную «эстетическую концепцию» [7, С. 567]. Резюмируя опыт ученых и исследователей модернизма в литературе и литературоведов мы можем констатировать тот факт, что для модернизма как литературного явления характерны моделирование собственной реальности произведения, гипертрофированно субъективный характер повествования, художественная экспликация внутреннего мира персонажей произведения, а также применение новых литературных приемов и техник, возникновение новых традиций и течений и отход от ставших классическими тенденций в искусстве конца XIX века [4], [8], [9]. Типичным для модернизма является также отказ от традиций литературы реализма, доминирующей в европейской литературе в конце XIX века.

Установлено, что литературный процесс в той или иной стране всегда имеет национально-культурную специфику [3, С. 132]. Сопоставительный анализ текстов авторов, принадлежащих различным языковым культурам и национальным литературным традициям, позволяет выявить как характерные стилистические особенности литературы на том или ином языке, так и общие стилистические черты, свойственные какому-либо литературному направлению.

Методы и принципы исследования

Целью данного исследования является изучение специфики текстов литературы модернизма в Австрии и Великобритании начала XX века. Предполагаем, что произведения модернистской литературы имеют некоторые характерные для данных текстов особенности как с точки зрения языка и употребления средств художественной выразительности, так и с точки зрения перспективы повествования и повествовательных техник и черт, типичных для модернизма как для литературного течения в истории Европы. Предметом данного исследования являются средства художественной выразительности в текстах произведений литературы модернизма Австрии и Великобритании, а объектом – характеристики их авторского использования в контексте произведения.

В качестве материала исследования нами были выбраны роман австрийского писателя Роберта Музиля “Der Mann ohne Eigenschaften” («Человек без свойств») и роман Джеймса Джойса “Ulysses” («Улисс»). Выбор данных произведений в качестве материала исследования обусловлен следующими причинами. Данные романы традиционно причисляют к произведениям эпохи модернизма. Исследуемые нами произведения объединяет как эпоха повествования (европейские монархии и империи Европы до, во время и после Первой мировой войны), глубокое погружение повествования во внутренний мир персонажей произведения, использование уникальных и экспериментальных повествовательных техник (техника «потока сознания» и интроспекции), так и тематическое содержание: тема взаимоотношений человека и общества, тема поиска человеком себя и своего места в мире, тема национального самоопределения личности и человеческих сообществ в составе крупных многонациональных и многокультурных империй конца XIX века и начала XX века. В контексте романа «Человек без свойств» австрийского писателя Роберта Музиля речь идет об исторической судьбе уже погибающей Австро-Венгерской империи и взаимоотношениях австрийского немецкоговорящего общества с обществом Германии, соседней империи. В многоплановом в тематическом аспекте романе Джеймса Джойса «Улисс» речь идет в том числе и о вопросе национального самоопределения ирландцев в составе Соединенного королевства Великобритании. В центре художественного повествования двух изученных нами романов «Человек без свойств» и «Улисс» находятся двое мужчин, непохожих друг на друга по образованию, семейному статусу, происхождению и характеру. Тем не менее оба автора уделяют значительное внимание отображению их внутреннего мира и окружающих их жизненных обстоятельств, что сюжетно сближает оба рассматриваемых произведения и характеризует литературное направление в целом. В рамках данного исследования проводится сопоставительное лингвостилистическое исследование текстов упомянутых романов. В качестве методов исследования выступают лингвостилистический анализ, интерпретативный анализ, метод количественного подсчета, сопоставительный метод.

Основные результаты

Тексты модернистского направления имеют характерные сюжетно-композиционные и лингвистические особенности. Для модернистских произведений типично «выдвижение на первый план субъективного мировосприятия» [6, С. 24]. Это достигается посредством использования методов глубокой авторской интроспекции и техники «потока сознания». Кроме того, ученые обращают внимание на то, что в текстах литературы модерна «внимание к внутреннему миру, к самовыражению авторского «я» обостряется» [2, С. 4]. Подобные цели достигаются авторами при помощи композиционных приемов организации текста и стилистически маркированных средств языка. Наличие таких средств в текстах обусловлено в первую очередь «метафоризацией сознания современного человека в разных лингвокультурах» [5, С. 4]. Вследствие этого возникает определенный исследовательский интерес к лингвостилистическому наполнению текстов, к средствам художественной выразительности и языковой личности автора текста.

Рассмотрим некоторые примеры из австрийской и британской литературы эпохи модернизма начала XX века для характеристики стилистики модернизма в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте.

В следующем отрывке из романа «Человек без свойств» мы имеем дело с описанием персонажа Вальтера, испытывающего ревность:

Während Ulrich sich mit Clarisse unterhielt, hatten die beiden nicht bemerkt, daß die Musik hinter ihnen zeitweilig aussetzte. Walter trat dann ans Fenster. Er konnte die beiden nicht sehn, aber er fühlte, daß sie knapp vor der Grenze seines Gesichtsfelds standen. Eifersucht quälte ihn. Gemeiner Rausch schwer sinnlicher Musik lockte ihn zurück. Das Klavier in seinem Rücken stand offen wie ein Bett, das ein Schläfer zerwühlt hat, der nicht aufwachen mag, um der Wirklichkeit nicht ins Gesicht sehen zu müssen. Die Eifersucht eines Gelähmten, der die Gesunden schreiten fühlt, peinigte ihn, und er brachte es nicht über sich, sich ihnen anzuschließen; denn sein Schmerz bot keine Möglichkeit, sich gegen sie zu verteidigen [10, С. 65].

В данном отрывке из романа «Человек без свойств» главный герой Ульрих гостит у своих друзей Вальтера и Клариссы, которые приходятся друг другу мужем и женой. Их брак далек от идеального, а отношения между Ульрихом и Клариссой скорее двусмысленны, что вызывает ревность законного мужа Клариссы Вальтера. В данном отрывке мы узнаем, что Ульрих и Кларисса часто уходят в сад вдвоем, оставляя Вальтера в доме одного. Вальтер пытается найти их и чувствует, что персонажи скрываются на самом краю его поля зрения: “*knapp vor der Grenze seines Gesichtsfelds standen*” («стояли прямо на краю его поля зрения») (здесь и далее перевод наш. – И.М.). Их отсутствие вызывает законную ревность Вальтера, который интуитивно чувствует особую связь между Ульрихом и Клариссой на фоне их явно несчастливой брака. Автор раскрывает перед читателем картину внутреннего мира Вальтера, используя при этом олицетворяющую метафору “*Eifersucht quälte ihn*” («Ревность мучала его») как

центральный прием, создающий художественный образ. Далее автор употребляет целый ряд оценочных эпитетов с скорее негативной коннотацией, описывающих музыку, которую играет Вальтер: *“Gemeiner Rausch schwer sinnlicher Musik”* («Гнусный шум тяжелой, чувственной музыки»). Окружающее героя пространство описано с позиции его мировосприятия, автор стилизует описание окружающей обстановки и интерьера, показывая читателю внутреннее состояние героя: его озлобление, его ревность, его обиду на жену и друга. В данном отрывке мы можем также обнаружить сравнение музыкального инструмента с кроватью беспокойно спящего человека (*“Das Klavier in seinem Rücken stand wie ein Bett”*), что иллюстрирует тревожные чувства Вальтера. Мы понимаем, что герой пытается не замечать теплых отношений своей супруги и Ульриха: Роберт Музиль развивает образ упомянутого ранее сравнения музыкального инструмента с кроватью спящего и представляет Вальтера как человека, не желающего просыпаться, дабы не столкнуться с реальностью (*“der nicht aufwachen mag, um der Wirklichkeit nicht ins Gesicht sehen zu müssen”*). Читателю становится очевидным тот факт, что Вальтер старается как будто не замечать трудностей в своей семейной жизни, однако не остается при этом равнодушным или безразличным. Автор развивает свою идею, в очередной раз употребляя центральную лексику *“Eifersucht”* («ревность»), сравнивая беспомощную ревность героя с чувствами парализованного человека, лишённого возможности ходить (*“Die Eifersucht eines Gelähmten, der die Gesunden schreiten fühlt”*). Испытывая столь сложную и смешанную палитру чувств в данной ситуации, Вальтер не решается присоединиться к супруге и другу семьи Ульриху, так как испытывает боль, что показано писателем при помощи еще одной метафоры-олицетворения *“sein Schmerz bot keine Möglichkeit, sich gegen sie zu verteidigen”* («его боль не давала возможности защититься»), что в очередной раз подчеркивает неспособность Вальтера повлиять на отношение Ульриха и Клариссы. Таким образом, при помощи употребления персонифицирующих метафор в данном отрывке автору удается при помощи различных языковых средств художественной выразительности развить целую картину психоэмоционального состояния персонажа произведения. Помимо использования исключительно повествовательных техник, которые описывают фактические события сюжета, автор иллюстрирует и внутренний мир персонажа, его эмоциональное состояние. Столь развернутая интроспекция при помощи упомянутых ранее различных повествовательных и языковых приемов является характерной чертой модернистского направления литературы.

В следующем отрывке из этого же произведения идет речь о человеке, который находится в тюрьме:

Wie er da auf seiner Bank in der Zelle saß, die zugleich sein Bett und sein Tisch war, beklagte er seine Erziehung, die ihn nicht gelehrt hatte, seine Erfahrungen so auszudrücken, wie es sein müßte. Die kleine Person mit den Mausaugen, die ihm noch jetzt, wo sie schon lang unter der Erde lag, soviel Unannehmlichkeiten bereitete, ärgerte ihn. Alle waren auf ihrer Seite. Er stand schwerfällig auf. Er fühlte sich morsch wie verkohltes Holz. Er hatte wieder Hunger; die Anstaltskost war zu gering für den gewaltigen Mann, und er besaß kein Geld, um sie zu verbessern. In einem solchen Zustand konnte er sich unmöglich auf alles besinnen, was man von ihm wissen wollte [10, С. 252].

В данном отрывке Роберт Музиль описывает ход мыслей персонажа романа по фамилии Моосбругер, арестованного за убийство. Его вина в совершенном жестоком убийстве девушки легкого поведения очевидна, однако на протяжении всего романа нет четких пояснений является ли преступник душевно больным. Моосбругер находится под стражей в тюрьме, и ход его мыслей, и его быт в тюрьме подробно представлен писателем в тексте романа. Автор при помощи различных средств выразительности формирует определенный образ не самого образованного человека, который ругает своё образование, не научившее его правильно выражать себя (*“beklagte er seine Erziehung, die ihn nicht gelehrt hatte, seine Erfahrungen so auszudrücken, wie es sein müßte”*). Убитая им куртизанка представлена автором при помощи следующего описания, содержащего эпитет: *“Die kleine Person mit den Mausaugen”* («маленький человек с мышиными глазами»). Мы узнаем, что герой не испытывает раскаяния или сочувствия по отношению к жертве: автор показывает это с помощью глагола чувственно-эмоционального восприятия *“ärgern”* («злит»). Весь судебный процесс и свое тюремное заключение герой воспринимает как неудобство или неловкость, о чем свидетельствует лексическая группа *“Unannehmlichkeiten bereiten”* («доставляет неприятности»). Ключевым стилистическим приемом, выступающим в качестве основы художественного образа, выступает в данном отрывке сравнение персонажа произведения с «обгорелым поленом» (*“wie verkohltes Holz”*). Автор, таким образом, художественно иллюстрирует читателю Моосбругера как некоего одеревенелого, заостенелого и, возможно, бесчувственного человека, способного совершить преступление, а именно убийство. Кроме того, мы узнаем, что герой снова испытывает голод (*“Er hatte wieder Hunger”*), и тюремный паёк для него слишком скудный (*“die Anstaltskost war zu gering”*). Спутанное состояние его мыслей, нехватка образования и сомнительное психическое здоровье существенно осложняют его попытки защитить себя в суде. Являясь формально едва ли не единственным стилистическим приемом в данном отрывке, напрямую относящемуся к персонажу Моосбругеру, сравнение *“wie verkohltes Holz”* выступает важнейшей характеристикой персонажа, вокруг которой строится его личностный портрет, описание хода его мыслей, его психоэмоциональное состояние и иллюстрируется развитие сюжетной линии персонажа романа.

В следующем отрывке из романа «Человек без свойств» исследовательский интерес представляет целый ряд различных стилистических средств:

Bonadea hatte in der Zeit der Trennung viel geweint. Bonadea hatte sich während dieser Zeit oft mißbraucht gefühlt. Sie hatte oft gewirbelt wie eine umflorte Trommel. Sie hatte viele Abenteuer gehabt und viele Enttäuschungen. Und obgleich die Erinnerung an Ulrich bei jedem Abenteuer in einen tiefen Brunnen versank, stieg sie nach jeder Enttäuschung daraus wieder auf; ohnmächtig und vorwurfsvoll wie der verlassene Schmerz in einem Kindergesicht. Bonadea hatte ihrem Freund schon hundertmal im stillen ihre Eifersucht abgebeten, ihren »bösen Stolz gestraft«, wie sie es nannte, und endlich entschloß sie sich, ihm einen Friedensschluß anzutragen [10, С. 269].

В данном отрывке мы имеем дело с коротким описанием героини романа Бонадеи после ссоры с ее любовником и главным героем романа Ульрихом. Мы узнаем о последствиях ссоры между героями: автор употребляет эмоционально окрашенную лексику: глагол *“weinen”* («плакать»), *“mißbrauchen”* («оскорблять»). При помощи этих лексем Роберт Музиль транслирует читателю эмоциональное состояние героини и ее расстроенные чувства в результате ссоры. Автор

употребляет несколько средств художественной выразительности в данном отрывке. Мы можем обнаружить сравнение “*wirbeln wie eine umflorte Trommel*“ («*вибрировала как оплетенный барабан*»), при помощи которого автор описывает душевные переживания героини. Автор использует конкретизирующий эпитет “*tiefer Brunnen*“ («*глубокий колодец*») для метафорического описания памяти героини: воспоминание о главном герое романа Ульрихе тонули в глубоком колодце (“*die Erinnerung ... in einen tiefen Brunnen versank*“). Далее автор использует сравнение “*der verlassene Schmerz in einem Kindergesicht*“ («*подзабытая боль на лице ребенка*») и конкретизирующий эпитет в его составе “*verlassene*“ («*подзабытая*») для описания тех разочарований в своих любовных похождениях, которые испытала героиня. Помимо этого, автор характеризует эти ощущения при помощи пары конкретизирующих эпитетов “*ohnmächtig und vorwurfsvoll*“ («*бессильно и безукоризненно*»), что дает читателю понять, насколько героиня находится во власти своих чувств. Роберт Музиль иллюстрирует характер героини при помощи еще оценочного эпитета: Бонадея называет свою ревность «*дурной гордыней*» (“*böser Stolz*“). Конфликт между героями произведения подчеркивается автором при помощи военной метафоры с использованием лексики “*Friedensschluß*“: героиня надеется заключить «*мирный договор*». На материале этого небольшого отрывка из произведения мы можем обнаружить целый ряд средств художественной выразительности, в том числе различных эпитетов, при помощи которых автор характеризует, как и ход некоторых событий сюжета, так и характер героев, их личностные качества.

Роман англоязычного писателя Джеймса Джойса «Улисс» содержит достаточно большое количество сложнейших аллюзий и отсылок, хитрых сюжетных ходов, элементов языковой игры и стилизаций. Отдельного внимания заслуживают средства художественной выразительности. В следующем отрывке мы имеем дело с описанием некоторых мыслей и действий Стивена Дедала, одного из главных героев романа. Здесь автор применяет большое количество стилистических средств, особого внимания заслуживают конкретизирующие эпитеты *cold (room)*, *blue (dusk)*, *deep blue (night)*, метафора *a shut door entombing their blind bodies*, персонифицирующие метафоры *shafts of light are moving ever, my soul walks with me*:

Turning, he scanned the shore south, his feet sinking again slowly in new sockets. The cold domed room of the tower waits. Through the barbicans the shafts of light are moving ever, slowly ever as my feet are sinking, creeping duskward over the dial floor. Blue dusk, nightfall, deep blue night. In the darkness of the dome they wait, their pushedback chairs, my obelisk valise, around a board of abandoned platters. Who to clear it? He has the key. I will not sleep there when this night comes. A shut door of a silent tower entombing their blind bodies, the panthersahib and his pointer. Call: no answer. He lifted his feet up from the suck and turned back by the mole of boulders. Take all, keep all. My soul walks with me, form of forms. So in the moon's midwatches I pace the path above the rocks, in sable silvered, hearing Elsinore's tempting flood [11, С. 33].

Из данного отрывка в самом начале романа мы узнаем, что Стивен Дедал находится перед башней маяка, в которой он на тот момент жил. Мы видим в отрывке описание побережья, описание смены дня и ночи (“*Blue dusk, nightfall, deep blue night*”). В ходе этих размышлений мы понимаем, что Стивен не хочет проводить ночь в комнате башни маяка и уходит, не заходя внутрь. На примере короткого отрывка мы можем проследить совмещение автором приема описания предметов и явлений, окружающих персонажа, и техники потока сознания путем дополнения текста обрывками мыслей Стивена. В связи с этим читателю представляется сложным отделить авторскую речь, характеризующую предметы и явления в традиции литературы реализма, от искусственно проиллюстрированной автором внутренней речи персонажа, которая является типичным компонентом модернистской прозы. В результате подобного использования повествовательных техник реалистичные описания обуви персонажа (“*his feet sinking*” – «его ноги тонули»), природных явлений (“*the shafts of light are moving*” – «*столпы света двигались*»), окружающих объектов и явлений совмещаются с размышлениями персонажа (“*I will not sleep there when this night comes*” – «Я не буду ночевать там, когда наступит ночь»). Интересно, что в соседних предложениях автор использует различные формы лица местоимений: “*He has the key*” / “*I will not sleep there when this night comes*” («У него есть ключ» / «Я не буду ночевать там, когда наступит ночь»). Здесь читатель не может понять идет ли речь о Стивене, у которого есть ключ от двери, или о другом персонаже. Подобная двусмысленность повествования характерна для данного романа и для литературы модернизма и ярко иллюстрирует спутанный и нелогичный характер человеческого сознания. Автор активно использует конкретизирующие эпитеты для описания сюжетной сцены: “*cold domed room*” («*холодная куполообразная комната*»), “*dial floor*” («*пол-циферблат*»), “*blue dusk*” («*синий закат*»), “*abandoned platters*” («*заброшенные тарелки*»). Мы имеем дело с несколькими метафорами-лицетворениями: “*room of the tower waits*” («*комната башни ждет*») и “*door of a silent tower entombing their blind bodies*” («*дверь тихой башни, заточившая их слепые тела*»). Автор также персонифицирует в упомянутых ранее примерах предметы интерьера башни: кресла, чемодан и тарелки. Подобное использование метафорического приема персонификации предметов иллюстрирует ход мыслей и особенности восприятия и мышления Стивена Дедала, то есть автор использует средства художественной выразительности с целью портретизации образа мыслей персонажей, особенностей его восприятия действительности, иллюстрирует при их помощи ассоциации в сознании героя. Кроме того, во внутреннем монологе персонажа встречается упоминание Эльсинора – места действия трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский». Такая авторская аллюзия иллюстрирует богатый читательский опыт персонажа Стивена Дедала и уровень его образования. Использование тонких аллюзий и отсылок к литературным произведениям и другим произведениям искусства также является характерной чертой литературы модернизма.

В следующем отрывке из романа «Улисс» главный герой Леопольд Блум по дороге замечает осла, которого образно сопоставляет со своим отцом при помощи скрытого сравнения:

Far away a donkey brayed. Rain. No such ass. Never see a dead one, they say. Shame of death. They hide. Also poor papa went away [11, С. 76].

Как и в предыдущем рассмотренном нами примере, автор совмещает различные техники повествования и дополняет текст произведения потоком мыслей персонажа. Блум, скорее всего, вспоминает народную примету, согласно которой крик или рев осла предвещают дождь (“*Far away a donkey brayed. Rain.*”). Размышляя далее об этом

животном, Леопольд Блум неожиданно для читателя замечает во внутреннем монологе, что никому не удалось увидеть мертвых ослов. Интересно, что автор использует эллиптические предложения, не имеющие как таковой грамматической основы и не имеющие второстепенных членов, а также назывные предложения. Здесь Леопольд Блум имеет в виду ирландскую поговорку, согласно которой никто не видел мертвых ослов (“*Never see a dead one, they say*”). Персонаж предполагает, что эти животные стыдятся смерти (“*Shame of death*”), затем он сравнивает их в этом контексте со своим отцом: “*Also poor papa went away*”. В этом скрытом сопоставлении автор также использует оценочный эпитет “*poor papa*” («бедный папа»), что свидетельствует о сочувствии Леопольда по отношению к своему отцу, который ушел из дома и из семьи, чтобы покончить с собой в уединении. Оценочный эпитет “*poor papa*” функционирует здесь как средство экспликации эмоционально-чувственной сферы персонажа, описывает его отношение к другим героям произведения.

В следующем отрывке из романа мы сталкиваемся с использованием конкретизирующих эпитетов *quick bloodshot (eyes)*, *secret (eyes)*, *secret searching (eyes)*:

– *The reverend gentleman read the service too quickly, don't you think? Mr Kernan said with reproof.*

Mr Bloom nodded gravely, looking in the quick bloodshot eyes. Secret eyes, secret searching eyes. Mason, I think: not sure. Beside him again. We are the last. In the same boat. Hope he'll say something else [11, С. 72].

Автор описывает беседу Блума с мистером Кернаном, одним из его знакомых, вместе с которыми в компании друзей они уезжают с кладбища после похорон общего друга. Джеймс Джойс использует конкретизирующие и оценочные эпитеты при описании глаз мистера Кернана с точки зрения потока размышлений Леопольда Блума: “*quick bloodshot eyes*” («подвижные глаза с красными прожилками»), “*secret searching eyes*” («скрытые, ищущие глаза»). Стоит отметить, что описание внешности является довольно распространенным инструментом для описания характера персонажей художественных произведений. Глаза человека часто выступают в качестве объекта художественного описания. Данные эпитеты, употребленные по отношению к глазам мистера Кернана, транслируют нам подозрение и осторожность Леопольда Блума по отношению к мистеру Кернану, главный герой романа предполагает, что мистер Кернан является членом организации масонов (“*Mason, I think: not sure*”). На материале всего нескольких упомянутых нами эпитетов создается образ одного из многочисленных знакомых главного героя и второстепенных персонажей романа. Кроме того, при помощи употребления средств художественной выразительности раскрывается картина внутреннего мира героя Леопольда Блума, посредством которого происходит знакомство со второстепенными персонажами произведения, реалиями Дублина и сюжетными событиями произведений. Джеймс Джойс решает таким образом целый ряд авторских задач: транслирует образ мышления главного героя Блума, представляет читателю некоторых второстепенных персонажей романа, в частности мистера Кернана, а также портретирует художественную реальность произведений, конкретные факты и события сюжета романа.

Итак, изучение текстов романов австрийского писателя Роберта Музиля “*Der Mann ohne Eigenschaften*” («Человек без свойств») и Джеймса Джойса “*Ulysses*” («Улисс») позволило обнаружить некоторое количество средств художественной выразительности эпохи модернизма начала XX века. Нами были детально рассмотрены контексты употребления метафор и сравнений, а также оценочных и конкретизирующих эпитетов. Статистические данные представлены в виде таблицы ниже (см. табл. 1).

Таблица 1 - Соотношение средств художественной выразительности в австрийской и британской литературе эпохи модернизма начала XX века

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.12.1>

Стилистическое средство	Человек без свойств	Улисс	Соотношение
Метафора	70	171	1 : 2,45
Сравнение	63	132	1 : 2,12
Оценочный эпитет	27	58	1 : 2,14
Конкретизирующий эпитет	56	81	1 : 1,44
Итого	216	442	1 : 2,04

Согласно данным, представленным в таблице выше, количественное соотношение обнаруженных в текстах романов средств художественной выразительности существенно различается. В тексте романа «Улисс» приблизительно в два раза больше средств художественной выразительности, чем в романе «Человек без свойств».

Количественный подсчет средств художественной выразительности, а конкретно эпитетов, метафор и сравнений, наглядно показал, что в употреблении этих языковых средств имеется индивидуально авторская специфика. Для обоих авторов наиболее частотным из тропов является метафора. Это связано с тем, что метафора как явление привлекает к созданию художественного символа различные образы, разные тематические группы лексик, что позволяет произвести наибольший эффект на читателя.

Наименее частотным тропом являются оценочные эпитеты, что объясняется стремлением авторов представить повествование без авторской оценки и авторских комментариев, для которых данные тропы являются характерными. Обезличенный характер авторского повествования компенсируется внутренней интроспекцией героев, именно там происходит оценка и эмоционально-экспрессивная реакция персонажей.

Заключение

В результате исследования нами было установлено, что средства художественной выразительности имеют особенности употребления в текстах модернистского направления литературы в различных лингвокультурах.

Нами было установлено, что количество конкретизирующих эпитетов в немецкоязычном романе «Человек без свойств» в два раза больше, чем количество оценочных эпитетов. Данный статистический факт можно интерпретировать как авторское решение писателя Роберта Музиля наиболее наглядно описать художественный мир произведения, так как именно конкретизирующие эпитеты позволяют создать наиболее предметную и конкретную картину повествования. В целом, статистические данные свидетельствуют о том, что в англоязычном романе Джеймса Джойса «Улисс» средств художественной выразительности приблизительно в два раза больше, чем в немецкоязычном романе Роберта Музиля «Человек без свойств». Для романа Джеймса Джойса характерно не только активное употребление средств художественной выразительности, но и использование в тексте произведения различных повествовательных техник, что делает язык романа узнаваемым опытному читателю и уникальным. Для обоих произведений характерно наложение различных повествовательных техник, путанная схема повествовательных перспектив и позиций повествования, внедрение обрывочных рассуждений и размышлений героев и их внутренних монологов в повествовательные сюжетные пассажи. Для текстов данных произведений также характерна некоторая эллиптичность предложений, наличие назывных предложений в повествовании. С точки зрения языкового содержания для текстов литературы модернизма характерно использование большого арсенала средств художественной выразительности, подробная экспликация внутреннего мира героев текстов, их характера, чувств, хода их мыслей, идей и жизненных установок, а также использование новейших в литературе того периода экспериментальных литературных техник и композиционных приемов.

Мы пришли к выводам о том, что особую роль стилистические средства языка получают в литературе такого направления как модернизм. Стилистические средства языка являются важнейшим инструментом выразительности автора наряду с использованием исключительно литературных приемов. При помощи языковых средств текст реализует эстетическую функцию, транслируются авторские идеи и установки, портретируются персонажи произведения и ход сюжетных событий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бранская Е.В. Модерн, модернизм, постмодернизм (к определению понятий) / Е.В. Бранская, М.И. Панфилова // *Инновационная наука*. — 2015. — 5. — с. 264-267.
2. Дудова Л.В. Модернизм в зарубежной литературе: учебное пособие по курсу «История зарубежной литературы» / Л.В. Дудова, Н.П. Михальская, В.П. Трыков. — Москва: Флинта: Наука, 2000. — 240 с.
3. Желтухина М.Р. Стилистическая выразительность художественных дискурсов Стефана Цвейга и Уильяма Сомерсета Моэма: сопоставительный аспект / М.Р. Желтухина, И.Ю. Москалев // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. — 2022. — 4. — с. 123-135. — DOI: 2079-6021-2022-4-125-135.
4. Затонский Д.В. Роберт Музиль и его роман «Человек без свойств» / Д.В. Затонский // *Музиль Р. Человек без свойств*. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 1. — с. 5-28.
5. Желтухина М.Р. Лингвокультурная функциональная стилистика художественного дискурса (на материале австрийской прозы): учебное пособие / М.Р. Желтухина, И.Ю. Москалев. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. — 80 с.
6. Липовецкий М.Н. Модернизм и авангард: родство и различие / М.Н. Липовецкий // *Филологический класс*. — 2008. — 20. — с. 24-31.
7. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А.Н. Николютина. — М.: Интелвак, 2001. — 799 с.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. — Москва: Аграф, 1999. — 381 с.
9. Цветков Ю.Л. От венского модерна к австрийскому модернизму / Ю.Л. Цветков // *Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки*. — 2018. — 1. — с. 28-34.
10. Musil R. *Der Mann ohne Eigenschaften* / R. Musil. — Berlin: Rowohlt Verlag, 1957. — 1671 s.
11. Joyce J. *Ulysses* / J. Joyce. — Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2010. — 736 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Branskaja E.V. Modern, modernizm, postmodernizm (k opredeleniju ponjatij) [Modern, Modernism, Postmodernism (To the Definition of Concepts)] / E.V. Branskaja, M.I. Panfilova // *Innovative Science*. — 2015. — 5. — p. 264-267. [in Russian]

2. Dudova L.V. Modernizm v zarubezhnoj literature: uchebnoe posobie po kursu «Istorija zarubezhnoj literatury» [Modernism in Foreign Literature: a textbook for course "History of Foreign Literature"] / L.V. Dudova, N.P. Mihal'skaja, V.P. Trykov. — M.: Flinta: Nauka, 2000. — 240 p. [in Russian]
3. Zheltuhina M.R. Stilisticheskaja vyrazitel'nost' hudozhestvennyh diskursov Stefana Tsvejga i Uil'jama Somerseta Moema: sopostavitel'nyj aspekt [Stylistic Expressiveness of the Literary Discourses by Stefan Zweig and William Somerset Maugham: Comparative Aspect] / M.R. Zheltuhina, I.Ju. Moskalev // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. — 2022. — 4. — p. 123-135. — DOI: 2079-6021-2022-4-125-135. [in Russian]
4. Zaton'skiy D.V. Robert Muzil' i ego roman «Chelovek bez svojstv» [Robert Musil and His Novel "The Man Without Qualities"] / D.V. Zaton'skiy // Musil R. The Man Without Qualities. — M.: Art.Lit., 1984. — Vol. 1. — p. 5–28. [in Russian]
5. Zheltuhina M.R. Lingvokul'turnaja funktsional'naja stilistika hudozhestvennogo diskursa (na materiale avstrijskoj prozy): uchebnoe posobie [Linguocultural Functional Stylistics of Artistic Discourse (on material of Austrian prose): textbook] / M.R. Zheltuhina, I.Ju. Moskalev. — Volgograd: PrinTerra-Dizajn, 2021. — 80 p. [in Russian]
6. Lipovetskij M.N. Modernizm i avangard: rodstvo i razlichie [Modernism and Avant-Garde: Affinity and Difference] / M.N. Lipovetskij // Philological Class. — 2008. — 20. — p. 24-31. [in Russian]
7. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literature Encyclopedia of Terms and Concepts] / Edited by A.N. Nikol'yukin. — M.: Intelvak, 2001. — 799 p. [in Russian]
8. Rudnev V.P. Slovar' kul'tury XX veka: kljuchevye ponyatija i teksty [Dictionary of Culture of the XX Century: Key Concepts and Texts] / V.P. Rudnev. — M.: Agraf, 1999. — 381 p. [in Russian]
9. Tsvetkov Ju.L. Ot venskogo moderna k avstrijskomu modernizmu [From Viennese Modern to Austrian Modernism] / Ju.L. Tsvetkov // Bulletin of IvSU. Series: Humanities. — 2018. — 1. — p. 28-34. [in Russian]
10. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften [The Man Without Qualities] / R. Musil. — Berlin: Rowohlt Verlag, 1957. — 1671 p. [in German]
11. Joyce J. Ulysses / J. Joyce. — Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2010. — 736 p.